

КОНФЛИКТ

Месяц назад, в свой день рождения, из Театра на Малой Бронной ушел самый молодой из главных режиссеров Москвы Сергей Женовач.

Он проработал там семь лет, из них два — главным режиссером по контракту. В этих многострадальных стенах успел сложиться и громко о себе заявить феномен под названием «Театр Сергея Женовача», логически продолживший неповторимый «Театр Анатолия Эфроса». Следом за своим режиссером подали заявления об уходе Ирина Розанова, Сергей Тарамаев, Геннадий Назаров, Елена Матвеева и другие. Все (то есть, конечно, театральные люди) знают, что Женовача и его актеров «ушли», и все знают, кто это сделал. Я же почти наверняка знаю, что если позволю директору театра Илье Ароновичу Когану, с которым знакомы очень давно, то услышу приблизительно следующее: «У нас такая беда — Сережа ушел... Отказался подписать контракт. А я так его ценю!»

Сергей Женовач

Сергей Женовач перед последним спектаклем на М. Бронной

Здесь необходимо отступление для людей нетеатральных, которых все-таки большинство. Коган знаменит не только тем, что едва ли не дольше всех московских директоров полномочностно руководит одним и тем же коллективом, но и тем, что именно при нем началась травля Эфроса и был вынужден уйти Александр Дунаев, главный режиссер Бронной. Этот тандем, Эфрос — Дунаев, поражаля многих, а сами они жили вполне мирно, не мешая друг другу работать. На собраниях, где «прорабатывали» Дунаева, Эфрос даже выступал в его защиту. Но это ничего не изменило: изгнанный Дунаев перешел в Театр миниатюр и вскоре умер. О том, что случилось потом с Эфросом, знают даже далекие от те-

одно — возможность ставить спектакли с близкими по духу людьми.

Коган сделал умнейший ход: порог театра стали переступать люди, которые после истории с Эфросом поклялись больше этого никогда не делать. Они шли, потому что было интересно: необычный «Король Лир» в переводе О. Сороки, которого команда Женовача готовила два года, покупая мех на вес и кроя по ночам шубы для персонажей; комическая опера Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», в которой потрясающе запели драматические актеры; три вечера подряд (!) «Идиот» Достоевского — «Золотая маска» за режиссуру и лучшая роль Льва Дурова за последние годы (это к большому вопросу о том, что главный работает только со «своими»). Вспомним еще работы старжилов Бронной Перельгина и Ершова в «Лире», Мартынюка, Сайфулина, Богословской в «Пучине» и так далее). О последнем на Бронной спектакле Женовача «Ночь перед Рождеством» (МН) писали дважды. «Ночь» хотели выпустить, как и полагается, к Рождеству, но в начале сезона в театре состоялось очередное собрание, и часть труппы вновь высказала недовольство: на Женовача не ходит зритель. И директор решил: денег на эту премьеру пока не давать. «Ночь», слава Богу, вышла к лету и произвела фурор. На премьерные спектакли пришло столько народу, что приглашенных самим постановщиком посадить было некуда. Актеры театра Фоменко в полном составе стояли вдоль стен.

Теперь формальная сторона дела, позволяющая директору официально сокращаться об уходе главного режиссера (неофициально, полагаю, он его не любит, как и предыдущих главных: Женовач тоже серьезный художник со своей программой, а значит, лидер и несовместим с Коганом, который ни с кем и ни при каких обстоятельствах не делится властью). Где-то за месяц до окончания срока контракта (15 мая) он предложил Женовачу поработать очередным режиссером: тот отказался. Тогда за неделю до упомянутой даты возник новый вариант: главным, но на год. Женовач опять отказался и 16 мая был уволен. А кто из режиссеров согласился бы работать главным в ситуации, когда: а) в театр без его ведома приглашаются другие постановщики, которые даже не ставят его в известность о том, как собираются распределять роли; б) не он утверждает репертуарный план и с трудом добивается, чтобы ему его хотя бы показывали; в) он не имеет возможности назначить главного художника, зав. труппой, художника по свету и... продолжать можно еще долго. Я лично удивляюсь не тому, что Женовач ушел, а тому, как долго он держался, не позволив себе ни одного публичного выяснения отношений (как не позволяет и сейчас). Разве только голос его изменился: он теперь говорит как-то изумленно, быстро и почти задыхаясь. Не до инфаркта же ему на Бронной сидеть — это здесь уже было.

Рассорить Женовача со своими артистами, как произошло когда-то с командой Эфроса, директо-

ру не удалось: тотчас поданные заявления об уходе — в никуда, в пространство, и это при нынешней ситуации — красноречивое тому подтверждение. Я видела их всех в театре в день, когда должны были идти последние «Пять вечеров», — так они все вместе приходят теперь прощаться с каждым спектаклем своего режиссера. «Драмкружок при театре» — называли их недоброжелатели, привыкшие бороться за свое место преимущественно на собраниях и с куда большим успехом, чем на сцене. «Драмкружок», потому что держались вместе, болели за каждый очередной спектакль. А спектакли жили непросто: не было гастролей, не было телевизионных записей, хотя предложения поступали. Спектакли быстро исчезали, как исчезла после болезни Дурова трилогия по «Идиоту» — замены так и не случилось, и артисты вспоминают об этом с болью, работа была огромная, сложнейшая, только-только стали вживаться в роли. Они вообще часто удивлялись: в кассах говорят, что билеты проданы, нельзя купить даже для знакомых, а зал полупустой.

«Сильный» аргумент Когана: не ходит на Женовача зритель. Неправда! Достаточно посмотреть на переполненные залы его постановок в театре Фоменко («Месяц в деревне» недавно играли с аншлагом в огромном бывшем кинотеатре «Зенит»), услышать, как поют в финале зрители с актерами в «Мельнике» или как гудит от восторга зал в «Ночи». Хотя Женовач, конечно, не Хулио Иглесиас и даже не Роман Виктюк: он исповедует театр сложный, психологический, не рассчитанный на массовый успех. Такой театр тем более нуждается в умной администрации. Развеселую «Ночь перед Рождеством» режиссер сделал еще и для того, чтобы доказать: могу работать в любом жанре. Не помогло.

Что такое театр? «Художественная затея» (любимое слово Женовача), вокруг которой собираются актеры, художники, музыканты, цеха и — уже потом! — администрация, или производство, где спектакль — механизм для получения прибыли или хотя бы морального удовлетворения дирекции, а режиссер и артист — винтики этого механизма? Во многих театрах, как и при советской власти, руководят назначенные чиновниками директора и самолично решают, кого из художников позвать, а кого — нет, кому деньги дать, а кому — нет. Тут уже все крутится не вокруг «художественной затеи», а вокруг честолюбия администратора и его представлений о преобразовании. И если ты всего лишь нанят по договору — знай свое место.

...Сейчас, когда нет на свете Анатолия Эфроса, все каются и бьют себя в грудь. Женовач и его артисты молоды и бесспорно талантливы. Им нужна помощь. Неужели и сегодня, якобы в другое время, отцы города и театра, многочисленные чиновники от культуры будут ждать и смотреть: выживут — не выживут, чтобы потом, не дай Бог, вновь сожалеть и каяться?

Режиссеры уходят — директор остается

атра люди. Но вот чего они не знают: формально все это спровоцировали недовольные артисты. На одном из таких собраний мне довелось присутствовать, и ужас от той брани (другого слова не подобрать), которая звучала из уст учеников Эфроса в его адрес, не прошел до сих пор — некоторых из них я и сегодня не могу видеть на сцене.

После смерти Дунаева, а потом и Эфроса Театр на Бронной недолгое время возглавляли Евгений Лазарев, Владимир Портнов, а еще позже наступили тяжелые времена, когда он по существу исчез с театральной карты города. Возникло имя Камы Гинкаса, но директор позвал Женовача. Не уверена, что Коган видел его спектакли — вряд ли бы они ему понравились, но было имя молодого, перспективного режиссера и, главное, его поразительная деликатность и интеллигентность, которые могли создать иллюзию, что им легко манипулировать. Женовача, конечно, все предупреждали, куда он идет. Но его в жизни интересует только